

КАНИЩЕВ Валерий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и российской истории Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. Автор 328 научных публикаций*

ТРОШИНА Татьяна Игоревна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы и социальной безопасности высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 210 научных публикаций**

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ: МЕСТО АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

В российской исторической науке демографические процессы редко подвергаются сравнительному анализу, но опыт таких исследований, особенно с использованием информационных технологий, дает возможность уточнить источниковедческие, методологические и содержательные аспекты этих процессов. Сравнение результатов количественного анализа материалов губерний Европейской России с описательными наблюдениями по Архангельской губернии позволило авторам статьи увидеть особенности проявлений в данном регионе показателей брачности, рождаемости и смертности. Как выяснилось, на пониженный уровень брачности в наибольшей мере влиял полусельскохозяйственный характер занятий жителей. Низкий показатель плодovitости архангельских женщин объясняется влиянием на женское здоровье сурового климата, проживанием значительной части населения в труднодоступных деревнях, куда священники приезжали редко, зачастую не регистрировали мертворожденных и умерших в младенчестве детей. Переход Архангельской губернии от среднего показателя рождаемости к высокому в течение 1897–1912 годов предположительно связывается с улучшением статистики, повышением благосостояния населения, усилением влияния интеллигенции и духовенства на народную нравственность, в т. ч. в плане ухода за детьми. При отсутствии в губернии земской медицины смертность населения носила характер естественного отбора. Авторы установили специфику Архангельской губернии по показателю излишней смертности (в 1871–1893 годах регион 3 раза испытал такое явление, тогда как большинство губерний европейской части России – 6–10 раз) и пришли к выводу о необходимости более тщательного изучения первичных материалов учета населения региона с привлечением информационных технологий для получения четких количественных показателей демографического поведения населения Архангельской губернии.

Ключевые слова: Архангельская губерния, европейская часть России, историческая демография, демографические процессы.

*Адрес: 392008, г. Тамбов, ул. Советская, д. 181, литера К; e-mail: valcan@mail.ru

**Адрес: 163002, г. Архангельск, ул. Смольный Буян, д. 7; e-mail: tatr-arh@mail.ru

Для цитирования: Канищев В.В., Трошина Т.И. Демографические процессы второй половины XIX – начала XX века в европейской части России: место Архангельской губернии // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 4. С. 28–38. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.4.28

Сравнительный анализ историко-демографических процессов – редкое явление в российской исторической науке. Как показывает опыт немногочисленных исследований компаративного характера, такой анализ может привести к интересным для понимания особенностей российских регионов результатам [1–3]. В 1990-е годы ряд российских историков в рамках совместного проекта с голландскими коллегами апробировали возможности сопоставления демографических данных нескольких десятков церковных приходов двух провинций Голландии (Гронинген и Брабант) и трех регионов России (Олонецкой, Тамбовской и Ярославской губерний).

В ходе реализации проекта российские историки впервые использовали современные информационные технологии, что позволило существенно уточнить многие источниковедческие, методологические и содержательные аспекты историко-демографических процессов. Особенно это относится к периоду российского метрического учета демографических показателей, который долгое время (XVIII – первые десятилетия XIX века) отличался существенной неполнотой. Для восстановления реальной картины демографического поведения населения потребовалось использование материалов других массовых источников (ревизских сказок, исповедных ведомостей), применение специальных математических методов. Комплексный анализ этих групп источников позволяет получить достаточные для принципиальных выводов демографические наблюдения.

В данной статье предполагается провести сравнение выводов, полученных на основе анализа первичных и локальных материалов, с соответствующими наблюдениями по одной из самых специфичных территорий Европейской России – Архангельской губернии.

Применительно к аграрному социуму большинства великорусских губерний можно утверждать, что до первых десятилетий XX века сохранялся низкий возраст первого брака

(17–19 лет – для девушек, 19–21 год – для юношей) [4, с. 38–39, 62; 5]. Такой показатель был обусловлен временем полового созревания молодых людей, стремлением крестьянских семей к наиболее раннему воспроизводству новых детей (будущих работников и получателей наделенной земли), привлечением в крестьянское хозяйство дополнительных женских рук. В количественном отношении показатель традиционной брачности составлял 10 и более промилле (‰). По средним данным о брачности в 31 губернии Европейской России за период с 1859 по 1863 год, показатель Архангельской губернии равнялся 8,3 ‰. Примерно таким же он был в Вологодской, Костромской, Московской, Новгородской, Олонецкой, Санкт-Петербургской, Ярославской губерниях¹, располагавшихся в северной половине Восточной Европы.

Данные за 1867 год говорят об еще более низком показателе брачности в Архангельской губернии – 7,8 ‰. Но еще ниже показатель брачности оказался в Астраханской губернии – 5,7 ‰². На пониженный уровень брачности влияли не только северные, но и южные экстремальные условия.

Архангельская губерния включала в себя современную Мурманскую область, Ненецкий округ, северные районы современных Республик Коми, Карелии и Архангельской области. Население преимущественно было занято отхожими промыслами (морскими и лесными) и отхожими занятиями (в крупные города). Сельское хозяйство имело второстепенное значение, и занимались им преимущественно женщины, поэтому в полужемледельческих районах «ценность» женщин была высока, и достаточно долго, до конца XIX века, присутствовал отмеченный еще М.В. Ломоносовым брачный дисбаланс (когда девушек стремились выдать замуж как можно позднее, а мальчиков, напротив, женить раньше).

Результатом были разрушающие крепость брака явления «снохачества», добрачных и внебрачных связей: «В тех деревнях, где девушками

¹Статистическое обозрение Российской империи. Приложение. СПб., 1874. С. 6–7.

²Там же. С. 8–9.

очень дорожат, они выдаются замуж в пожилых годах, иногда в 25 лет, что развивает усиленные порока. <...> “Девка родит, сама и водится с ребенком”. Впрочем, и женихи не брезгают девичьим пороком» [6, с. 7]. По наблюдениям современников, в Архангельской губернии «семейные устои уважают. Чистота нравов более требуется от замужних»; что касается добрачных отношений, то «“Девушка не травка, вырастет не без славки”» [7, с. 52]: «Общественное мнение относится сравнительно терпимо к случаям несоблюдения “девичьей чести” до брака» [8, с. 27, 28].

В земледельческих и полужемледельческих районах Архангельской губернии строгость к «девичьей чести» стала отмечаться только к концу XIX века, когда в связи с урбанизацией, социальной и культурной модернизацией, индустриализацией (а также введением всеобщей воинской повинности) количество женихов начало резко сокращаться. В промышленных селениях, особенно там, где сельское хозяйство практически отсутствовало, ценность брака была невысока: часто «сходились» по любви (что в районах с преимущественно сельскохозяйственными занятиями считалось постыдным), но, как нередко бывает при эгалитарных браках, часто случались и «расходки». Несмотря на сложность церковного развода, крестьянские общества их признавали: «... волостной суд не знает, что он поступает противозаконно, укрепляя супружеские расходки» [9, с. 40].

Относительная легкость нравов в добрачном возрасте, типичная в любых промышленных культурах, имела здесь свою специфику, поскольку севернорусское население все же было культурно-аграрным, что поддерживалось традициями православия и другими обстоятельствами, которые заставляли семью максимально долго сохранять у себя взрослую дочь. Ценились любые рабочие руки, поскольку земельные пределы «по мужским душам»

особого значения не имели, а земельные угодья приобретались путем расчисток. Девушки фактически сами искали себе женихов, чуть ли не втайне от семьи готовили приданое. Отсюда – ранний женский отход (чтобы заработать на приданое), девичьи вечёрки (на которых они вдали от своей семьи готовили подарки жениху и будущей родне). Так, в промышленном Печорском уезде «и сама [девушка], и все окружающие ее родные смотрят на нее не как на члена семьи, а как на лицо самостоятельное, временную неприятную гостью-дармоедку, которая может жить и поступать как угодно, поскольку это не нарушает общих интересов» [10].

Материалы описательных источников дополняют статистические сведения. В 1866 году³ 70 % браков заключалось между холостыми женихами и девицами. 5 % браков заключали холостые мужчины с вдовами: такие браки чаще фиксировались в промышленных районах, где вдовая женщина была не в состоянии справиться с доставшимся наследством – судами, снастями. Фактически она брала в дом «работника», с которым и вступала в брак. 18 % составляли браки вдовцов с девицами (больше всего таких браков в земледельческих Шенкурском и Холмогорском уездах) и 5 % – вдовцов с вдовами. В 1879 году⁴ браки между холостыми мужчинами и незамужними девушками составляли уже 85 %. Другие варианты брачных пар: 11 % – вдовцы с девицами, 3 % – холостяки с вдовами, 1,5 % – вдовцы с вдовами. В 1906 году⁵ браки между холостыми мужчинами и незамужними девушками насчитывали 77 %, между холостыми и вдовами – 6,5 %, вдовцами и девицами – 1,5 %, вдовцами и вдовами – 15 %.

В 1866 году до 25-летнего возраста в брак вступали 75 % невест и 60 % женихов. С повышением возраста количество женихов увеличивается: после 35 лет их число превышает число невест такого же возраста в 5 раз, а после 50 лет – в 13. По данным 1879 года, муж-

³ГААО (Гос. арх. Арханг. обл.). Ф. 6. Оп. 8. Д. 334.

⁴Там же. Д. 92.

⁵Там же. Д. 193 «Б».

чины чаще вступали в брак в 21–25 лет (40 %), женщины – до 20 лет (45 %). Мужчин в возрасте от 26 до 45 лет вступило в брак 45 %, старше 45 лет – 5 %, моложе 20 лет – около 10 %. Женщин в возрасте от 21 до 35 лет «вышло в замужество» 52 %, старше 35 лет – 3 %. В 1906 году мужчины чаще вступали в брак в 21–30 лет (70 %), женщины – до 25 лет (87 %). По данным 1906 года, до 20 лет в брак вступали 15 % женихов и 50 % невест. Примерно поровну женихов и невест, с небольшим превышением последних, было в возрасте от 21 до 25 лет. В более старших возрастах наблюдается «сверхбрачность» мужчин.

Сравнивая эти данные (с разницей в 40 лет), можно увидеть, что «равные браки» (между девицей и холостяком и между вдовцами) продолжали оставаться основными, но менялись соотношения. Так, количество первых браков сократилось с 84,5 до 76 %, а повторных – увеличилось в 10 раз: с 1,5 до 15 %. Это положительная динамика, поскольку отражает сопоставимое сокращение браков вдовцов с девушками. Впрочем, количество браков холостых молодых людей с вдовами увеличилось в 2,5 раза. Это отражает и увеличение разницы в продолжительности жизни мужчин и женщин, и рост смертности мужчин в трудоспособном возрасте, оставлявших молодых вдов, которые вынуждены были для поддержания хозяйства и из необходимости вырастить детей выходить повторно замуж.

Типичное для промысловых районов превышение мужского населения над женским сохранялось до второй половины XIX века, затем началась общая тенденция увеличения численности женщин. В 1795 году⁶ число зарегистрированных родившихся мальчиков на 10 % превышало число девочек, а число зарегистрированных умерших женщин было на 5 % меньше, чем мужчин. В 1880-е годы родившихся мальчиков было больше на 5 %, а умерших лиц мужского пола – на 10 %. Указанные процессы связаны не только с реальными изменениями рождаемости по полам, но и с улучшением

регистрации рождений и смертей, особенно девочек в середине XIX века.

Возможно, в Архангельской губернии в связи с удаленностью и малонаселенностью поселений священники более внимательно фиксировали рождение мальчиков, а не девочек. Возможно, за девочками ухаживали хуже, и они чаще умирали. Кроме того, женщина в северной полугосподарской деревне была перегружена работой: на ней был не только дом, но и сельское хозяйство. Нередко пожни находились далеко от деревни, и женщины, уходя на работы, оставляли детей под плохим присмотром. В связи с индивидуализацией промыслового труда и отхожих занятий в северных деревнях довольно рано стали появляться нуклеарные семьи, и женщина в отсутствие мужа выполняла даже мужскую работу. Как следствие, отмечалась высокая младенческая смертность, в связи с чем в семьях редко было больше 2-3 детей.

Демографические данные подтверждают, что количество женщин, их продолжительность жизни в северных губерниях стали возрастать к концу XIX века, тогда же все больше падает их «ценность». Показатели: уменьшение расходов на свадьбу, появление приданого и постепенное увеличение его стоимости.

Таким образом, очевидна специфика брачного поведения населения Архангельской губернии, которая в меньшей мере была связана с природно-климатическими условиями региона, в большей – с особенностями занятий жителей региона, их полугосподарским характером. Перспективным представляется дальнейшее сравнение брачного поведения жителей Архангельской губернии и других промысловых регионов Европейской России, где в рассматриваемые десятилетия росли отходничество и трудовая миграция.

Сельские женщины большинства аграрных губерний России вплоть до первых десятилетий XX века рожали столько детей, сколько позволяло им здоровье – в среднем 4-6 [4, с. 60–61; 5]. В литературе приводятся и упоминания

⁶ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 1. Д. 38. Л. 2 – 2 об. Обзоры Архангельской губернии за 1885 г., 1888 г.

о наблюдениях отдельных земских врачей, в которых отмечалось, что в северных губерниях с неземледельческой специализацией, в т. ч. Архангельской, показатель плодovitости женщин в среднем составлял около 8 детей, тогда как в земледельческих регионах он равнялся 10-11 детям, рожденным одной женщиной [5, с. 61].

Тяжелый северный климат мог негативно влиять на женское здоровье: бездетные семьи не были редкостью; зачастую к выкидышам и мертворождениям вела тяжелая работа. Низкий показатель собственно плодovitости мог быть связан и с тем, что подавляющее большинство населения проживало в удаленных, труднодоступных деревнях, куда священник приезжал раз в год и даже реже. Поэтому мертворожденных и умерших в младенчестве детей нередко просто не регистрировали. (Впрочем, неоднократно описываемое распространение внебрачных рождений, возможно, связано со старообрядческим населением, которое продолжало обходиться без церковного брака, что в глазах официальных властей делало детей от таких браков внебрачными.)

Даже современникам было трудно выяснить, сколько раз женщина рожала в течение своей жизни. Посемейные списки, в которых перечислялись дети, полной информации не дают, поскольку в них не включались дети, уже живущие самостоятельной жизнью: выделенные сыновья, вышедшие замуж дочери. В 1895 году путешествовавший по Печорскому уезду доктор спрашивал женщин, сколько они родили детей и сколько из них выжило. Картина была неутешительной: в различных деревнях у 319 матерей родилось в среднем по 7,1 живому ребенку на женщину, из них умерло более половины – 56,4 % [10, с. 52].

Сравнительно большие перерывы в рождении детей объясняются воздействием кризисных в природно-климатическом отношении лет; неудачными беременностями вследствие болезней женщин и тяжелого физического труда; длительным кормлением младенцев. В отдельных

приходах Центральной России эти интервалы чаще всего составляли 24–30 месяцев, или 2–2,5 года.

Сколько-нибудь убедительных фактов массового контроля рождаемости в традиционной крестьянской земледельческой среде до 1920-х годов не установлено. Коэффициент рождаемости у православного населения в великорусских губерниях Европейской России и в начале XX века оставался на высоком уровне – примерно 50 ‰ [4, с. 61]. Архангельская губерния, по данным 1867 года, являлась единственным русским регионом европейской части, где этот показатель находился на уровне ниже 40 ‰⁷. Переход Архангельской губернии от среднего показателя рождаемости к высокому в течение 1897–1912 годов должен стать предметом специального исследования.

С точки зрения демографического перехода это явно нелинейный эффект. Можно предположить, что причины данного явления заключались в улучшении статистики, повышении общего благосостояния населения региона, усилении влияния интеллигенции и духовенства на народную нравственность, в т. ч. в плане ухода за детьми. Долгое время низкая рождаемость объяснялась тем, что мужчины умирали в молодом и среднем возрасте – на промыслах. С середины XIX века промыслы в регионе начали сокращаться: мужчины стали жить дольше – рождаемость могла возрасти и по этой причине. Правда, появилась другая напасть – пьянство, и в связи с этим – рождение слабых и нежизнеспособных младенцев. В целом же данный вопрос требует дальнейшего изучения, привлечения первичных демографических источников.

До появления земской медицины смертность крестьянского населения носила в целом характер естественного отбора с преобладанием младенческой – от слабости по рождению и различных эпидемий. Сравнение нескольких губерний Европейской России показало преобладание в относительно теплой Тамбовской губернии смертности детей и младенцев от дизентерии,

⁷Статистическое обозрение Российской империи. Приложение. С. 8–9.

а в сравнительно холодных Олонецкой и Ярославской губерниях – от простуд [11, 12].

В Архангельской губернии сельские работы на дальних (нередко за 20-25 верст от дома) полях заставляли матерей оставлять младенцев одних или на попечение старших детей и нетрудоспособных старух («Мужья с помощью заговоров стремятся отучить жен от привязанности к младенцам, т. к. она неудобна в крестьянском быту» [7, с. 152]). Даже в конце XIX века в губернии менее половины родившихся доживало до 5-летнего возраста. В 1850–1861 годах из ста новорожденных умирало в среднем 36,3 младенца. Даже в губернском центре – Архангельске – в 1902–1910 годах на тысячу человек населения в среднем не доживало до 10-летнего возраста 14 детей, из них 75 % – до года. Из каждых ста новорожденных в первый же год жизни умирало 24,3 (например, родилось 11 372 – умерло 2 743).

Как ни странно, в холодной Архангельской губернии подобно теплой Тамбовской большинство младенцев умирало от желудочно-кишечных заболеваний в летнее время. Женщины уходили на дальние поля, оставляли детей без материнского молока и при плохом уходе, что вело к различным заболеваниям. По причине труднодоступности деревень большая часть населения оставалась без современной медицинской помощи и без санитарно-гигиенических знаний (в Архангельской губернии не было земства и, следовательно, земской медицины).

Плохой уход, некачественное питание были главными причинами смерти вполне жизнеспособных русских младенцев. Современники свидетельствуют, что «видели поголовное вымирание детей, взятых какой-нибудь старушкой на попечение»; «женщина так обременена хозяйством, что редко кормит грудью – отсюда высокий процент младенческой смертности» [10, с. 51, 52]; «детей <...> хотя рождается и много, но больших семейств очень мало; обыкновенно из 12-16 родившихся благодаря халатному отношению к ним матерей, в живых оста-

ется 1-2»⁸. В отсутствии матерей детей кормили из рожка, что вело к желудочным заболеваниям, от которых умирало большинство младенцев.

Несмотря на меры, предпринимаемые государством с конца XVIII века для обязательного прививания всех детей от оспы, «во время оспенного года малые дети <...> по большей части вселяются во гроб» [13, с. 17]. В середине XIX века более половины детей оставались не привитыми, «старобрядцы скрывали своих детей или сдирали привитую оспу, считая такое прививание нечестивым делом» [14].

Врачи отмечали, что младенческая смертность из-за недоношенности и врожденной «слабости» увеличивается в июле-сентябре, объясняли это тем, что зачатие приходилось на октябрь-декабрь – «запойное время» [15]. Причины младенческой смертности, выкидышей и мертворождений видели также в тяжелой работе женщин. (В 1875 году в Устьсысольском уезде «у девки родился мертвый ребенок с разбитой головой, от ушиба (как выяснилось дознанием), полученным ею на полевых работах»⁹). Православная церковь боролась за рождаемость. Так, если у женщины случался выкидыш или она рождала мертвого ребенка, то она подвергалась церковному наказанию. Однако для женщин, у которых такая беда случилась во время полевых работ, делалось исключение.

Коэффициенты смертности в большинстве русских регионов Европейской России в середине XIX века находились на высоком уровне (свыше 35 ‰). В 1867 году в Архангельской губернии этот показатель составлял всего 20 ‰. Близкими были показатели Астраханской губернии и Области Войска Донского, что, вероятно, объясняется расположением данных регионов в экстремальных по российским меркам – очень холодных или очень жарких – природных условиях. Вопрос требует специального дополнительного изучения. Но в первую очередь напрашивается предположение о недостаточности полной регистрации смертности.

⁸ГААО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 578. Л. 55 об.

⁹Вологодские губернские ведомости. 1875. № 55. С. 3.

Если детская смертность могла регистрироваться в Архангельской губернии плохо, то взрослое население, конечно, контролировалось. В регионе имел место половозрастной «перекося» между городским и сельским населением: в городах смертность была ниже, а население состояло преимущественно из мужчин молодого возраста. До последних десятилетий XIX века причина этого явления заключалась в том, что городское население губернии являлось по большей части пришлым: солдаты, мастера-вые (которые при этом числились «постоянным» населением). Кроме того, большинство горожан состояло из отходников (тоже преимущественно молодые мужчины), возвращавшихся в деревни на старости лет или по болезни. Поэтому в городах смертность была более низкой, а население преимущественно молодым и мужским.

Очевидно, что вопрос требует дополнительного изучения путем построения длинных временных рядов демографических данных по губернского, поездного и поселенного уровня. Особенно важно изучить метрические книги, которые могут дать конкретные данные о возрастах, причинах и сезонности смертей.

Во второй половине XIX века – вплоть до новой волны индустриализации, наметившейся на рубеже XIX–XX веков, – в Архангельской губернии вновь произошло возвращение населения к сельским занятиям, которые меньше уносили жизни молодых мужчин, не разрывали надолго семьи и делали жизнь женщины в полной семье более комфортной. Но тут и сработал парадокс аграрного общества: детей стало рождаться больше, но вместе с этим росло и количество их смертей.

В целом вопрос об учете смертности в регионе требует специального изучения, но уже сейчас можно точно сказать, что смертность как демографическое явление в Архангельской губернии в значительной мере зависела от специфики региона. В частности, на необходимость учета этой специфики указывают результаты исследования такого показателя, как излишняя смертность [16]. За изученный на данный момент отрезок времени (1871–1893 годы)

Архангельская губерния только 3 раза испытала такое неприятное демографическое явление, тогда как большинство великорусских губерний европейской части – по 6-10 раз.

В двух-трех случаях кризисные по смертности годы в регионе совпали с подобными проявлениями в Вологодской, Московской, Новгородской, Олонецкой и Тверской губерниях. В этом сочетании не совсем понятно присутствие сравнительно теплой Московской губернии. Еще менее понятны факты единичного совпадения лет с излишней смертностью в Архангельской и центральных губерниях, в т. ч. некоторых центрально-черноземных (Владимирской, Калужской, Курской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тульской).

С другой стороны, мы получили свидетельство того, что излишняя смертность в Архангельской губернии за 20 с лишним лет ни разу не совпала с аналогичным демографическим явлением на юго-востоке Черноземного Центра, в Среднем и Нижнем Поволжье, на Северном Кавказе и Южном Урале. Это несовпадение, предположительно, можно связать с тем, что данные территории находились в зоне более сухого климата в сравнении с Архангельской губернией. Напротив, те регионы, где отдельные годы излишней смертности совпадали с архангельскими, были более влажными [17]. Ясно одно: природно-климатические условия оказывали заметное влияние на смертность в регионах.

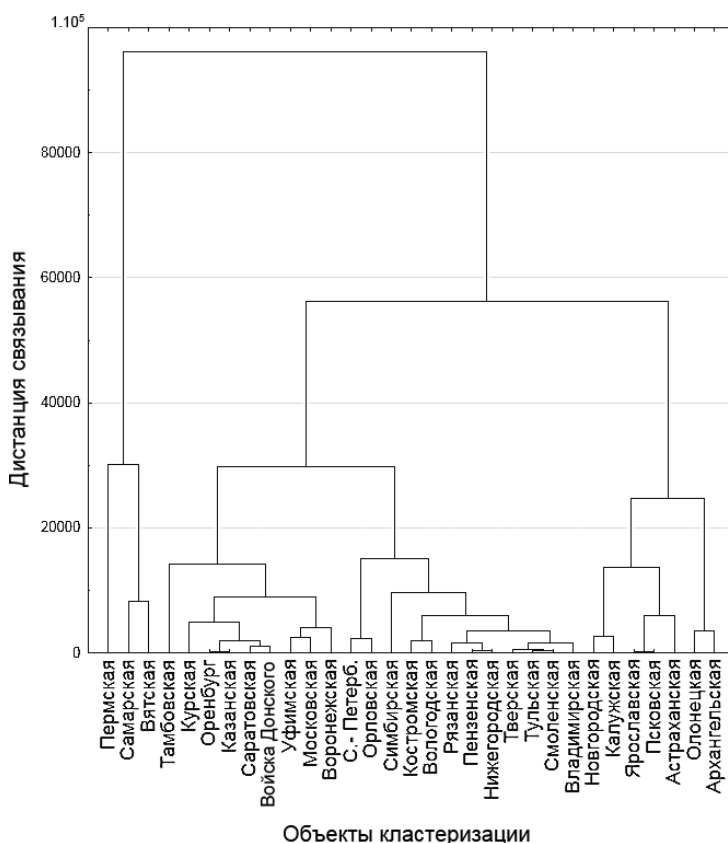
Моделирование историко-демографических процессов дает дополнительные возможности для изучения особенностей отдельных регионов России и вместе с тем ставит перед местными историками новые вопросы по объяснению влияния этих особенностей на движение народонаселения.

Первые эксперименты с применением теории самоорганизованной критичности к годовым данным XIX века по 28 губерниям показали, что в большинстве из них только начинали проявляться признаки самоорганизации, т. е. регулирования демографического поведения. При этом Архангельская губерния оказалась в небольшой группе территорий,

где такие признаки имели минимальное значение, совсем немного вышли из зоны «белого шума», который в данной теории считается проявлением значительной стихийности рассматриваемых процессов.

Кластерный анализ демографических показателей великорусских губерний европейской

части России на 1912 год (см. *рисунок*) показал, что одним из наиболее устойчивых оказался кластер, в который вошли самые северные и малолюдные Архангельская и Олонецкая губернии. При этом на дендрограмме кластер расположился в крайне правом положении, что свидетельствует о его явной нетипичности.

Кластеризация демографических процессов европейской части Российской империи по критерию «количество смертей» (1912 год)

Таким образом, приведенные в статье данные разнообразных, особенно описательных, источников достаточно ярко демонстрируют специфику демографических процессов в Архангельской губернии во второй половине XIX – начале XX века, ее отличия от большинства регионов

Европейской России. Для получения более четких количественных показателей демографического поведения населения Архангельской губернии требуется более тщательное изучение первичных материалов учета населения региона с привлечением информационных технологий.

ИСТОРИЯ

Список литературы

1. *Александров Н.М.* Демографические факторы социально-экономического развития пореформенной деревни (на материалах Верхнего Поволжья) // Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв.: XXXV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тез. докл. и сообщ., г. Уфа, 20–23 сентября 2016 года / отв. ред. Е.Н. Швейковская. М., 2016. С. 112–114.
2. *Селунская Н.Б.* Демографические процессы и социальное развитие пореформенной российской деревни в пространственно-временной перспективе (Методологические аспекты исследования) // Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв.: XXXV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тез. докл. и сообщ., г. Уфа, 20–23 сентября 2016 года / отв. ред. Е.Н. Швейковская. М., 2016. С. 109–112.
3. *Федоров П.В., Малащенко А.А.* Историко-демографический проект «Коляне. XIX – первая четверть XX в.» // Ист. демография. 2010. № 2(6). С. 26–30.
4. *Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. 1900–1939 гг.* / отв. ред. Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская. М., 2001. 459 с.
5. *Безгин В.Б.* Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М., 2017. 237 с.
6. *Ефименко П.С.* Народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии. Архангельск, 1869.
7. *Циммерман А.Э.* Архангельская губерния // Военно-статистическое обозрение Российской империи: в 17 т. Т. 2. Северо-Восточные губернии. Ч. 1. Архангельская губерния. СПб., 1853.
8. *От членов-корреспондентов А.О.И.Р.С. Мужчина и женщина в Кемском Поморье* // Изв. Арханг. о-ва изучения Рус. Севера. 1910. № 15. С. 26–28.
9. *Ефименко А.Я.* Народные юридические воззрения на брак // *Ефименко А.Я.* Исследования народной жизни. Вып. 1. Обычное право. М., 1884. С. 1–48.
10. *Мартьянов С.В.* Печорский край. Очерки природы и быта, население, культура, промышленность. СПб., 1905. 276 с.
11. *Where the Twain Meet: Dutch and Russian Regional Development in a Comparative Perspective, 1800–1917* / ed. by P. Kooij. Groningen, 1998.
12. *Where the Twain Meet Again: New Results of the Dutch-Russian Project on Regional Development, 1750–1917* / ed. by P. Kooij, R. Paping. Groningen, 2004.
13. *Крестинин В.В.* Историческое известие о нравственном воспитании детей у двинских жителей // Нов. ежемес. соч. 1787. Ч. 17.
14. *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева: в 2 т. М., 1958. Т. 2. 617 с.
15. *Батин П.* «Беспризорные», или несколько слов о детской смертности // Зап. Сев.-Двин. о-ва изучения мест. края: краевед. альм. 1928. Вып. V.
16. *Канищев В.В., Нефедов С.А.* Определение излишней смертности в России во второй половине XIX в.: естественные и социально-экономические аспекты // Информ. бюл. Ассоц. «История и компьютер». 2012. № 38. С. 80–81.
17. *Канищев В.В., Баранова В.В., Баранова Е.В.* Возможности ГИС по созданию климатических карт Европейской России периода 1890–1910-х гг. // Информ. бюл. Ассоц. «История и компьютер». 2015. № 43. С. 60–63.

References

1. *Aleksandrov N.M.* Demograficheskie faktory sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya poreformennoy derevni (na materialakh Verkhnego Povolzh'ya) [Demographic Factors of Socioeconomic Development of the Post-Reform Village (on the Materials of the Upper Volga Region)]. *Agrarnoe osvoenie i demograficheskie protsessy v Rossii X–XXI vv.: XXXV sessiya Simpoziuma po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy: tez. dokl. i soobshch.* [Agrarian Development and Demographic Processes in Russia in the 10th – 21st Centuries: Proc. 35th Sess. Symp. on the Agrarian History of Eastern Europe]. Ufa, 20–23 September 2016. Moscow, 2016, pp. 112–114.

2. Selunskaya N.B. Demograficheskie protsessy i sotsial'noe razvitiye poreformennoy rossiyskoy derevni v prostranstvenno-vremennoy perspektive (Metodologicheskie aspekty issledovaniya) [Demographic Processes and Social Development of the Post-Reform Russian Village in the Space-Time Perspective (Methodological Aspects of the Research)]. *Agrarnoe osvoenie i demograficheskie protsessy v Rossii X–XXI vv.: XXXV sessiya Simpoziuma po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy: tez. dokl. i soobshch.* [Agrarian Development and Demographic Processes in Russia in the 10th – 21st Centuries: Proc. 35th Sess. Symp. on the Agrarian History of Eastern Europe]. Ufa, 20–23 September 2016. Moscow, 2016, pp. 109–112.
3. Fedorov P.V., Malashenkov A.A. Istoriko-demograficheskiy proekt “Kolyane. XIX – pervaya chetvert' XX v.” [Historical and Demographic Project “Kola Residents. 19th – First Quarter of the 20th Century”]. *Istoricheskaya demografiya*, 2010, no. 2, pp. 26–30.
4. Polyakov Yu.A., Zhiromskaya V.B. (eds.). *Naselenie Rossii v XX veke. Istoricheskie ocherki. T. 1. 1900–1939 gg.* [The Population of Russia in the 20th Century. Historical Essays. Vol. 1. 1900–1939]. Moscow, 2001. 459 p.
5. Bezgin V.B. *Povsednevnyy mir russkoy krest'yanki perioda pozdney imperii* [The Everyday World of the Russian Peasant Woman During the Late Period of the Russian Empire]. Moscow, 2017. 237 p.
6. Efimenko P.S. *Narodnye yuridicheskie obychai krest'yan Arkhangel'skoy gubernii* [Folk Legal Customs of Peasants in the Arkhangel'sk Province]. Arkhangel'sk, 1869.
7. Tsimmerman A.E. Arkhangel'skaya guberniya [Arkhangel'sk Province]. *Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiyskoy imperii: v 17 t. T. 2. Severo-Vostochnye gubernii. Ch. 1. Arkhangel'skaya guberniya* [Military Statistical Review of the Russian Empire: In 17 Vols. Vol. 2. North-Eastern Provinces. Pt. 1. Arkhangel'sk Province]. St. Petersburg, 1853.
8. Ot chlenov-korrespondentov A.O.I.R.S. Muzhchina i zhenshchina v Kemskom Pomor'e [From the Corresponding Members of the Arkhangel'sk Society for the Study of the Russian North. Man and Woman in the Kem Pomorye]. *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa*, 1910, no. 15, pp. 26–28.
9. Efimenko A.Ya. Narodnye yuridicheskie vozzreniya na brak [Folk Legal Views on Marriage]. Efimenko A.Ya. *Issledovaniya narodnoy zhizni. Vyp. 1. Obychnoe pravo* [Studies of Folk Life. Iss. 1. Customary Law]. Moscow, 1884, pp. 1–48.
10. Martynov S.V. *Pechorskiy kray. Ocherki prirody i byta, naselenie, kul'tura, promyshlennost'* [Pechora Region. Essays on the Nature and Life, Population, Culture, Industry]. St. Petersburg, 1905. 276 p.
11. Kooij P. (ed.). *Where the Twain Meet: Dutch and Russian Regional Development in a Comparative Perspective, 1800–1917*. Groningen, 1998.
12. Kooij P., Paping R. *Where the Twain Meet Again: New Results of the Dutch-Russian Project on Regional Development, 1750–1917*. Groningen, 2004.
13. Krestinin V.V. *Istoricheskoe izvestie o npravstvennom vospitanii detey u dvinskikh zhiteley* [A Historical Report on the Moral Education of Children Among the Inhabitants of the Northern Dvina Area]. *Novye ezhegodnyye sochineniya*, 1787. Pt. 17.
14. Druzhinin N.M. *Gosudarstvennye krest'yane i reforma P.D. Kiseleva: v 2 t.* [State Peasants and the Reform of P.D. Kiselyov: In 2 Vols.]. Moscow, 1958. Vol. 2. 617 p.
15. Batin P. “Besprizornyye”, ili neskol'ko slov o detskoj smertnosti [“The Homeless”, or Some Words About Child Mortality]. *Zapiski Severo-Dvinskogo obshchestva izucheniya mestnogo kraya*, 1928, no. 5.
16. Kanishchev V.V., Nefedov S.A. Opredelenie izlishney smertnosti v Rossii vo vtoroy polovine XIX v.: estestvennye i sotsial'no-ekonomicheskie aspekty [Determination of Negative Natural Increase in Russia in the Second Half of the 19th Century]. *Informatsionnyy byulleten' Assotsiatsii “Istoriya i komp'yuter”*, 2012, no. 38, pp. 80–81.
17. Kanishchev V.V., Baranova V.V., Baranova E.V. Vozможности GIS po sozdaniyu klimaticheskikh kart Evropeyskoy Rossii perioda 1890–1910-kh gg. [GIS Capacity for Drawing Climate Maps of the European Russia of the 1890s – 1910s]. *Informatsionnyy byulleten' Assotsiatsii “Istoriya i komp'yuter”*, 2015, no. 43, pp. 60–63.

Valeriy V. Kanishchev

Tambov State University named after G.R. Derzhavin;
ul. Sovetskaya 181, litera K, Tambov, 392008, Russian Federation;
e-mail: valcan@mail.ru

Tat'yana I. Troshina

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
ul. Smol'nyy Buyan 7, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
e-mail: tatr-arh@mail.ru

DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE EUROPEAN PART OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 19th AND EARLY 20th CENTURIES: PLACE OF THE ARKHANGELSK PROVINCE

Russian historical science rarely subjects demographic processes to comparative analysis, although such studies, especially those using information technology, allow us to introduce clarity into the methodological as well as source and content aspects of these processes. Having compared the results of the quantitative analysis of the materials on the provinces located in the European part of Russia with descriptive observations on the Arkhangelsk Province, the authors of this article found some peculiarities of the marriage, birth, and mortality rates in this area. It was established that the low number of marriages was mostly due to the semi-agricultural lifestyle of the local inhabitants. The low fertility rate of Arkhangelsk women is explained by the influence of the harsh climate on their health, as well as by the living of a large part of the population in remote villages, rarely visited by priests, who seldom troubled themselves to record stillbirths and babies who died in infancy. During 1897–1912, the Arkhangelsk Province raised its fertility rate from average to high, which, presumably, is associated with more accurate statistics, improved well-being of the population, increased influence of the intelligentsia and the clergy on people's morality, including childcare. In the absence of local medical care in the province, mortality served as a kind of natural selection. The authors found that the Arkhangelsk Province was special in terms of negative natural increase (in 1871–1893 the region experienced this phenomenon only three times, while the majority of other provinces in the European part of Russia, 6–10 times). According to the authors, a more thorough study (with the use of information technology) of primary sources recording the region's population is required to obtain accurate quantitative data on the demographic behaviour in the Arkhangelsk Province.

Keywords: *Arkhangelsk Province, European part of Russia, historical demography, demographic processes.*

Поступила: 12.02.2017
Received: 12 February 2017

For citation: Kanishchev V.V., Troshina T.I. Demographic Processes in the European Part of Russia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries: Place of the Arkhangelsk Province. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, no. 4, pp. 28–38. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.4.28